Новые известия. – 2002 – 30 мая. – с. 6

Диана Вишнева – буддистка и охотница

Последний трофей нашей балетной звезды – парижская Опера

Вишнева вернулась к партии Китри, которую танцевала еще в школе.

Юрий КОВАЛЕНКО, «Новые Известия», Париж

Последние лет десять русский балет в Париже был редким гостем. Разве что в 1998 году, когда на берега Сены еще выезжали победители премии «Триумф», здесь показывали «Прелести маньеризма» и «Сны о Японии» в постановке Алексея Ратманского. Но вот недавно балетные контакты вступили в период оттепели. Ролан Пети поставил в Большом «Пиковую даму». Наши танцоры появляются в парижской Опере и, говорят, некоторые даже получат ангажемент. Осенью в Театре Шатле начинаются «Русские сезоны». Последней ласточкой стал приезд 25-летней примы Мариинского Дианы Вишневой – лауреата «Золотой маски» 2001 года. Она танцевала партию Китри в «Дон Кихоте» Минкуса. Один из самых популярных балетов мира, как ни странно, был включен в репертуар парижской Оперы только в 1981 году.

– После Светланы Захаровой и Николая Цискаридзе, недавно танцевавших в «Баядерке» на парижской сцене, настала ваша очередь...

– Видимо, парижская Опера меняется и постепенно открывает двери для русских артистов. К нам тоже приезжают французы, которые недавно выступали в России с нашим балетом и остались в полном восторге. Когда танцуешь в такой «смешанной» паре, испытываешь совершенно другие чувства.

– Говорят, французы приглашают наших артистов по той причине, что у них сейчас возник дефицит балетных звезд.

– Это вопрос не ко мне... В любом случае моему поколению повезло, что появилась такая возможность. Парижская Опера имеет свою особую ауру. Таких сцен в мире всего несколько – Мариинский, Большой, «Метрополитен»... Здесь ко мне все очень внимательны, поэтому у меня праздничное настроение. В «Дон Кихоте» мой партнер Хосе Мартинес предлагал подстраиваться под меня, но мне, напротив, было интересно научиться тому, как танцуют в Опере. Для профессионала нет трудности за несколько репетиций освоить ту или иную постановку и найти общий язык.

– Вы не робели, впервые ступив на эту сцену с ее строгими канонами?

– Естественно, робела, хотя я знала многих французских танцовщиков, а в Мариинском танцевала с Манюэлем Легри в «Манон». Но это совсем не то, когда ты едешь со своим материалом, накопленным в Мариинском, танцуешь и представляешь свой театр. Ситуация в Париже оказалась другой. Мне пришлось полностью слиться с их труппой, и я, конечно, этого боялась.

– «Дон Кихот», подобно большинству балетов парижской Оперы, идет в постановке Нуреева. Чем она отличается от той, в которой вы уже танцевали?

– Нуреевская «Спящая», которую я танцевала первый раз в этом году в «Ла Скала», и его «Дон Кихот» – это совершенно другие спектакли. Другие оркестровка, адажио, акценты, па. Когда танцуешь, надо чувствовать себя в спектакле комфортно и органично. В Нурееве, у которого свой особый стиль, как и во всяком балетмейстере, что-то нравится, а что-то нет. В его «Дон Кихоте» мне нравится особенная театрализованность.

– Партия Китри, которая, кажется, была первой в вашей карьере, наверное, одна из самых любимых?

– Нет, она скорее нелюбимая, хотя мой дебют был именно в Китри, когда я еще училась в балетной школе. Мне нравятся драматические партии – Жизель, Джульетта, Манон.

– Когда-то вы исполняли партию Китри с Фарухом Рузиматовым...

– Он, конечно, гениальный танцовщик. Подобные ему, наверное, появятся еще не скоро. Балерин такого уровня намного больше. Ведь изначально балет был делом женским, а партнер выступал в роли «носильщика». Первым, кто усовершенствовал мужской танец, стал Нуреев.

– В постановке «Дон Кихота» участвовали и другие наши соотечественники. Декорации выполнены Александром Беляевым, а костюмы Еленой Ривкиной. Оба сейчас много работают с парижской Оперой.

– Я их не знаю, но костюмы действительно просто великолепны...

– «Русские сезоны» в Париже откроются «Щелкунчиком». Вы не заняты в этом балете?

– Этот «Щелкунчик» все называют шемякинским, забыв и о балетмейстере, и о композиторе. Его и надо смотреть как шоу Шемякина. У меня не получилось поучаствовать в премьере, но я надеюсь, что к Парижу я все-таки подготовлю эту партию. В Париж мы также привезем «Шехеразаду», «Шопениану», «Жар-птицу» и «Петрушку», в которых я, наверное, буду танцевать.

– Кировский театр в свое время возглавлял Олег Виноградов, который утверждал, что его балет – это музей, но не лавка древностей...

– И замечательно, что это музей. Но и в нашем музее постоянно что-то меняется, появляются новые программы, постановки.

– И все-таки классический балет бывает утомительно консервативным.

– Он основа всего. Самое трудное, что можно танцевать. Классический балет требует высшего профессионализма.

– Какая балетная концепция вам ближе – школа представления или переживания?

– Танцовщики, как скульпторы, ищут пластический язык, который позволяет выразить свое внутреннее переживание.

– Французы считают Вишневу одной из самых ярких балетных звезд мира. Но и у вас не все складывалось благополучно. Даже не сразу приняли в Вагановское училище. Куда же смотрели педагоги?

– Мои учителя все делали правильно. Они постоянно давали импульс, который помогал мне работать, чего-то добиваться. Для меня это была определенная закалка. Все неудачи меня только укрепляли.

– Как формируется ваш репертуар? Ведь в нем уже около тридцати партий...

– Я подхожу к репертуару очень осторожно, ни за что сгоряча не хватаюсь. Я всегда мечтала, придя в театр, станцевать Жизель, но понимала, что мне надо набрать определенный опыт, чтобы подойти к этой партии. Сейчас я так же мечтаю о «Лебедином», но до этого мне надо было станцевать «Раймонду» и некоторые другие балеты. У каждого свой путь. И если бы я сразу начала с «Лебединого», то, наверное, в этой роли я вообще ничего не смогла бы показать. Для меня важно найти свой язык к каждому балету, и сейчас я начинаю понимать, как бы я хотела станцевать эту партию.

– Вас называют современной балериной еще и потому, что вы много танцуете у современных хореографов – Баланчина, Роббинса, Пети, Ноймайера, Ратманского.

– Я бы очень хотела поработать еще и с Матсом Эком, в частности, в его «Жизели». Мне нравится его стиль, философия танца. Матса Эка обычно не воспринимают те, кто любит классический балет. Его постановки вызывают протест, а мне, наоборот, они дают импульс, благодаря которому я иначе начинаю танцевать классику.

– Мне кажется, что могли бы получиться замечательные балеты на темы некоторых книг – возьмем, к примеру, набоковскую «Лолиту»...

– Безумно много сюжетов. Я не знаю, почему их не ставят. Да и вообще мне бы хотелось сняться в кино с учетом того, что я балерина. Сыграть в фильме типа «Танцующая в темноте», как это сделала певица Бьорк.

– Есть ли сегодня композиторы, которые пишут балетную музыку, как это делали Чайковский или Минкус?

– Может быть, и есть, но я не знаю, где они. Нет больше и балетмейстеров, в том числе и русских. Не рождаются они, что ли? Эпоха Григоровича закончилась. Есть Ротманский, но и он в основном работает не в России, а на Западе. Борис Эйфман? Но он очень специфический постановщик. Возможно, хореографов, как и артистов балета, надо растить?

– У Ратманского вы недавно танцевали в «Золушке»?

– Я не думаю, что это тот балет, который останется на века, но это самая интересная работа в нашем театре за последние годы.

– А вам не приходилось работать с Морисом Бежаром?

– Я танцевала в одном из его балетов. Я его обожаю. Мы к нему ездили, знакомились, хотели установить контакт, но как-то не получилось.

– У вас невероятное количество призов. Вы свои награды принимаете всерьез?

– Для меня они как поддержка. Артистам необходимы аплодисменты, их нужно хвалить. Для танцора самый большой критик – он сам. Все балетные артисты чего-то добиваются только самоедством, которое даже можно назвать мазохизмом в легкой форме. Для нашей профессии нужны люди определенного склада. Она для сильных. Чтобы преодолеть себя, нужны огромное терпение, самопожертвование, исключительная дисциплина.

– Значит, вы железная девушка?

– Железная... Правда, иногда очень хочется быть слабой. Но и в слабости бывает сила.

– Вы по природе своей лидер, атаман?

– Наверное, да. Я наполовину татарка, и темперамент у меня в крови. Часто получалось так, что если не я, то ничего не двигается, все стоит на месте.

– Бывает ли, что от успехов кружится голова?

– Я получила «пятерку» в балетной школе еще в третьем классе, когда был жив знаменитый педагог Константин Михайлович Сергеев. Тогда, помню, в школе был шок: «Такая маленькая, и уже «пятерка». Что же будет дальше?! Она зазнается!». Мне уже не хотелось этой оценки. Да и сейчас я понимаю, как мне далеко до совершенства. Если я и бываю довольна собой, то только сиюминутно.

– Развито ли у артистов балета чувство зависти?

– Оно должно быть обязательно, как и конкуренция. Чем больше в труппе хороших артистов, тем сильнее стремление к совершенству. Всем сейчас хватает и работы, и места под солнцем.

– Вы патриот Мариинского театра или везде чувствуете себя в своей тарелке?

– Я патриот и своего города, и своего театра, но с удовольствием приезжаю и в другие города.

– И вас легко отпускают из театра?

– Когда как. Если важные гастроли, то я не могу уехать. Все оговаривается заранее, хотя у нас в театре это сделать трудно. У нас, как на фронте, все меняется за один день. Присутствует русский хаос.

– Балет – ваша всепоглощающая страсть. Остается ли у вас время на простые житейские радости или служенье Терпсихоре не терпит суеты?

– Одним только высоким жить невозможно. Дай Бог, чтобы хватало времени на личную жизнь. Я люблю природу и животных. У моих родителей кот, а у человека, с которым я живу, – такса.

– Некоторые балерины любят ходить в дискотеки. Это не ваш случай?

– Вы имеете в виду Настю Волочкову? Когда-то у меня были такие порывы. Но это не мое. Я лучше пойду на спектакль Додина или в БДТ.

– В вашей артистической уборной лежит книга Джона Фаулза «Коллекционер». Каков круг ваших литературных интересов?

– Я очень люблю японцев – Акутагаву, Мисиму. Увлекаюсь буддизмом как философией жизни. Я человек крещеный, верующий и православный, но мне близки и буддизм, его понятия доброты, отношения к людям. Он помогает осознать свой внутренний мир, найти гармонию, помочь людям тем, что ты сам чувствуешь. Балет – это медитация, внутренняя сосредоточенность и самоконтроль. Свои чувства и переживания, чтобы передать их зрителю, надо видеть со стороны. У меня иногда бывает эмоциональный перебор, и благодаря таким буддистским медитациям я могу что-то в себе уравновесить.

– Словом, буддизм на службе у балета?

– Да, помогают упражнения с дыханием, для поддержания внутренней гармонии. К тому же я человек очень интуитивный... Это мне помогает и в балете, и в отношениях с мужчинами. Я фаталистка, верю в судьбу, в свое имя и в свой гороскоп. Верю в число 13, с которым у меня все связано. Все не просто так. Ни одной случайности в жизни не бывает.

– Вы Диана-охотница? Какой трофей считаете главным?

– Любовь. Я сейчас только это начинаю понимать, и мне порой становится страшно.